

И. А. Салов

С натуры
Очерки и рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. А. Салов**
С натуры: Очерки и рассказы / И. А. Салов – М.: Книга по Требованию, 2016. –
336 с.

ISBN 978-5-517-96169-3

ISBN 978-5-517-96169-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вы. Лѣчили онѣ большею частью по лѣчебникамъ сороковыхъ годовъ и, въ большинствѣ случаевъ, всѣ болѣзни приписывали простудѣ, засоренію желудка и худосочию. Лѣчили рвотнымъ, касторкой, алтейной мазью, неизбѣжнымъ вытяжнымъ пластыремъ, мятой, бузиной и разными травяными настойками. Въ экстренныхъ случаяхъ болѣе храбрыя, какъ, напримѣръ, „Ерундинская барыня“—въ настойки эти подмѣшивала „по вкусу“ извѣстныя дозы сулемы и мышьяка.

Къ числу такихъ-то врачей-дилетантовъ принадлежалъ и я, съ тою только разницею, что, памятуя о существованіи въ „Уложеніи о наказаніяхъ“ на какой-то страницѣ, какой-то статьи, не особенно поощряющей подобную форму изліяній челоуѣколюбія—я избралъ себѣ гомеопатію: „Ужъ если не вылѣчу,—соображалъ я,—то ужъ ни въ какомъ случаѣ не уморю!“ И съ бодрымъ духомъ, а главное, съ совершенно спокойною совѣстью, я принялся лѣчить народъ. У меня была собственная своя крохотная аптечка (весьма походившая на сахарницу), наполненная крохотными пузырьками, и имѣлся для „руководства и справокъ“ довольно толковый лѣчебникъ. Я самъ лично приготавливалъ крупинки и, давая крупинки эти глотать паціентамъ, приводилъ ихъ, на первыхъ порахъ, въ немалое смущеніе. Проглотить, бывало, мужикъ крупинку—и стоитъ въ какомъ-то недоумѣніи. — „Что ты?“ спросишь его. А мужикъ, вмѣсто отвѣта, принимался смотрѣть на свою бороду, отряхивать ее, затѣмъ смотрѣлъ на полъ и, наконецъ, вздохнувъ, бормоталъ:— „То ли проглотилъ, то-ли нѣтъ—Господь знаетъ!“—Однако, немного погодя, къ великому моему изумленію, я сталъ замѣчать, что крупинки мои все-таки свое дѣло дѣлали и что паціенты, глотавшіе ихъ, сплошь да рядомъ получали исцѣленіе! Я началъ

нѣсколько вѣрить въ силу своей „сахарницы“, а околodокъ, въ которомъ я врачеваль, безусловно увѣровалъ въ мои медицинскія познанія. Слава моя росла съ каждымъ днемъ! Обо мнѣ стали говорить: ко мнѣ стали появляться больные изъ „Ерундинскаго“ и „Скачихинскаго“ околodковъ; нѣкоторымъ изъ пациентовъ представлялся я въ ночныхъ сновидѣнiяхъ (исключительно, впрочемъ, старухамъ) и, въ концѣ-концовъ, про мои крупинки стали слагаться фантастическiе анекдоты, переходившiе, конечно, изъ устъ въ уста, и анекдоты эти, по несуществованiю еще въ то время института господъ урядниковъ, совершенно благополучно упрочили за мною славу „врача“!

Изъ этой-то медицинской практики я и хочу передать вамъ слѣдующiй случай.

Разъ какъ-то, часовъ въ семь утра, когда я былъ на покосѣ, меня изловили братья Антипины — крестьяне сосѣдняго села Шуклина. Оба брата прiѣхали на одной и той же телѣжкѣ; лошадь была вся въ мылѣ, а лица прiѣхавшихъ выражали такой испугъ, что я самъ даже испугался, взглянувъ на нихъ. Увидѣвъ меня, одинъ изъ братьевъ, по имени Яковъ, бросилъ возжи, соскочилъ съ телѣжки и, едва переводя духъ, подбѣжалъ ко мнѣ.

— Что съ тобой?

— Да что, бѣда стряслась! — проговорилъ Яковъ; — сейчасъ старику нашему на мельницѣ руку оторвало!..

— Лукьяну? — почти вскрикнулъ я.

— Ништо, ему.

— Какъ же это?

— Знамо, какъ! Старикъ торопливый, все хочется ему поскорѣе какъ бы!.. Сталъ шестерню подмазывать — остановить бы надоть мельницу-то!.. а онъ, замѣсто того, на всемъ ходу подмазывать зачалъ: руку-то ему и втянуло, да такъ лапу-то

прочь и отсадило!.. Кровью истекъ было, да спасибо Гаврильевна подоспѣла, заговорила!

И, какъ-то особенно отчаянно бухнувшись мнѣ въ ноги, онъ буквально возопилъ:

— Пособи, Бога ради!

Лукьянъ былъ мой пріятель и потому вѣсть о случившемся весьма огорчила меня.

— Ну, братецъ,—проговорилъ я, — и радъ бы радостью пособить, но въ дѣлѣ этомъ я ровно ничего не понимаю.

— Ну, будетъ тебѣ!.. въ книгу свою посмотри... Ради Господа прошу...

— Въ книгѣ нѣтъ про это... На этотъ случай другая книга есть...

— Такъ ты въ другую... И старикъ просить тебя... Богъ знаетъ какъ просить!

— Я и безъ проса сдѣлалъ бы, да не умѣю... а мы вотъ что сдѣлаемъ...

— Ну?

— Я сейчасъ лѣкарю письмо напишу, и ты вмѣстѣ съ старикомъ поѣзжай къ нему въ городъ. Только смотри, сейчасъ же, не мѣшкой—до завтраго не откладывай, не то худо будетъ!

Яковъ стоялъ передо мной безъ шапки, опустья голову, и по всему можно было замѣтить, что поѣздка въ городъ, да еще къ лѣкарю, не особенно-то приходилась ему по вкусу. Онъ какъ будто не совсѣмъ вѣрилъ въ эту необходимость и въ моемъ совѣтѣ усматривалъ лишь одно нежеланіе заняться старикомъ. Онъ словно оскорбился даже и, почесывая въ затылкѣ, соорилъ самое недовольное лицо. Я сѣлъ къ Антипинымъ въ телѣжку и вмѣстѣ съ ними доѣхалъ до дома.

Написавъ письмо врачу, въ которомъ я убѣдительноше просилъ его заняться Лукьяномъ, я передалъ письмо Якову.

— Ну вотъ,—проговорилъ я,—отдай это пись-

мо лѣкарю, и онъ какъ слѣдуетъ займется твоимъ старикомъ. Только смотри, сейчасъ же вези его въ городъ, не то, повторяю, можетъ кончиться скверно...

— Чѣмъ же?—перебилъ меня Яковъ.

— Антоновъ огонь можетъ быть.

— Чего же лѣкарь-то съ нимъ будетъ дѣлать?

— Онъ знаетъ что.

— Текъ.

— Вѣдь кость раздроблена, вѣроятно?

— Знамо, въ дребезги!

— Ну вотъ лѣкарь и осмотришь...

— А ты самъ посмотри, да и научи насъ что дѣлать!—сталъ опять прѣставать Яковъ.

— Какъ же я научу, когда самъ не знаю...

— Все-таки посмотри, можетъ и придумаешь...

Мы нарочно захватили съ собой, чтобы, значить, показать тебѣ...

— Чего захватили?—спросилъ я.

— Да руку-то...

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, но Яковъ обратился къ брату и прибавилъ:

— Ну-ка, Степа, покажь-ка!

Степа принагнулся, запихалъ руку въ карманъ кафтана, вытащилъ оттуда что-то завернутое въ тряпицу, развернулъ ее, и преподнесъ мнѣ оторванную руку Лукьяна.

— Вотъ, погляди-ка,—проговорилъ Яковъ.

Я такъ и ахнулъ!

Однако, разсмотрѣвъ оторванную руку, съ исковерканными пальцами, ободранной кожей и порванными обнаженными жилами, я тотчасъ же убѣдился, что надъ рукой этой поусердствовалъ чей-то ножицъ.

— Рука отрѣзана!—замѣтилъ я.

— Отрѣзана,—подтвердилъ Яковъ.

— Кто же рѣзалъ?

— Мы сами! Моталась она; кости въ ней какъ въ мѣшкѣ гремѣли, ну, старикъ и приказалъ отрѣзать. Заплакалъ таково-то горько и говорить: „Рѣжь, Яшка, ни къ чему она теперь!“

И оба брата, тяжело вздохнувъ, отерли навевнувшіяся на глаза слезы.

— Ты хошь-бы крупинокъ намъ далъ какихъ-нибудь!—сталъ опять упрашивать Яковъ.

— Не помогутъ крупинки! Тутъ не крупинки нужны, а операцію придется дѣлать, а дѣлать операцію я не умѣю... На это докторъ нуженъ... По всей вѣроятности, у него въ рукѣ осколки остались, ихъ надо вынуть... Придется еще и кость отпилить...

— Зачѣмъ же это?—спросилъ Яковъ.

— Какъ зачѣмъ! Видишь она какимъ остріемъ торчитъ... Наискось лопнула, значитъ и тамъ такой же конецъ острый...

— Такой же, точь въ точь! — подхватилъ Яковъ,—словно шпигоръ высунулся...

— Въ томъ-то и дѣло! Вѣдь кость оставить такъ нельзя, надо ее кожей прикрыть, а какъ ты прикроешь ее, когда она такая острая...

— Это вѣрно!—проговорилъ Яковъ, какъ будто что-то соображая;—подровнять, значитъ, надоть, чтобы не рѣзала!.. А чѣмъ же онъ пилить-то будетъ?

— Да ты не бойся!.. Я вижу, ты боишься!.. Тутъ бояться нечего, потому что операція эта для умѣлаго человѣка—пустое дѣло...

— Нѣтъ, я такъ только...

— У нихъ на это инструменты есть: пилки, ножи разные... все приспособлено! Перевяжетъ ему шелковинкой жилы, чтобы кровь не шла...

— Можетъ и крѣпкой ниткой ничего? — спросилъ Яковъ.

— Не знаю, можетъ быть и ниткой! Ужъ это его дѣло...

— А кожу откуда возьметъ онъ, кость то прикрыть?

— Съ той же руки. Вѣдь онъ немного отпилить руку-то!.. Такъ вотъ прежде чѣмъ отпиливать, онъ кожу-то подрѣжетъ и завернетъ, а потомъ и спуститъ ее.

— Чулкомъ, значить!—замѣтилъ Яковъ.

— Ну да. И затѣмъ зашьетъ ее.

— Иголкой?

— Конечно. Вотъ тогда рука и заживетъ, потому что въ ней осколковъ не будетъ, жилы будутъ перевязаны, а кость прикрыта.

— А безъ этого нельзя?

— Нельзя.

— И крупинки не помогутъ?

— Не помогутъ, — проговорилъ я, а вотъ льдомъ руку обкладывать—это необходимо...

— Чтобы завсегда, значить, въ холоду была?

— Да, непременно! Дамъ, пожалуй, тебѣ примочку еще. Но только помни, что къ лѣкарю ѣхать все-таки необходимо.

— А то бы самъ занялся? — проговорилъ Яковъ,—и старикъ тоже просилъ...

— Да какъ же я займусь, когда не умѣю... Ты съума сошелъ.

— Текъ! — проговорилъ Яковъ, и потомъ, вздохнувъ, прибавилъ:—ну, что-жъ, благодаримъ и на этомъ... ничего... и за то спасибо!..

Я далъ Якову арники, объяснилъ какъ ноступать съ нею и, еще разъ повторивъ о необходимости немедленной помощи медика, почти насильно выпроводилъ ихъ изъ комнаты.

Братья вскочили въ телѣжку, концами возжей ударили лошадь, и стремглавъ поскакали домой. Я видѣлъ какъ мчались они съ горы, какъ переехали мостикъ, завернули въ улицу и какъ, не-

много погода, неслись уже по выгону, направляясь къ селу Шуклину.

Къ старику Лукьяну я давно уже питалъ самыя нѣжныя чувства. Это былъ мужикъ лѣтъ 50, средняго роста, съ благодушнымъ, вѣчно улыбающимся лицомъ, съ прищуренными глазками и такой торопливой походкой, что я насилу успѣвалъ за нимъ. Хлопотунъ онъ былъ превеликій и сидѣть сложа руки, ничего не дѣлая, положительно не могъ. То, бывало, телѣгу чинить, то сапоги шьеть, то корыто долбить, то печку перекладываетъ!.. Полевыми работами онъ самъ не занимался, ибо передалъ это дѣло сыновьямъ, Якову и Степану,—зато „вокругъ дома“, на мельницѣ, на пчельникѣ, онъ работалъ одинъ, безъ посторонней помощи; развѣ кое-когда только старуха подсобить въ чемъ-нибудь! Помимо всего этого Лукьянъ былъ страстный охотникъ, отличный рыбоволовъ, птицеловъ и даже недурной сапожникъ. Зимой онъ дѣлался мельникомъ, а лѣтомъ удалялся на пасѣку и превращался въ пасѣчника. Мельница, правда, у него была неважная, тѣмъ не менѣе, однако, прокармливая всю семью Лукьяна, она давала возможность продавать весь хлѣбъ, получаемый отъ собственныхъ посѣвовъ. Такъ же точно и пчельникъ. Состоялъ онъ изъ нѣсколькихъ только десятковъ колодъ, но доходъ, получавшійся отъ продажи меда и воска, оплачивалъ всѣ подати, падавшія на семью Лукьяна. При такихъ постоянныхъ занятіяхъ, казалось, объ охотѣ и помышлять бы нечего; но выходило иначе. Лукьяна доставало на все! Оберетъ, бывало, пчелиные рои, размѣститъ ихъ по колодкамъ, похлебаеть на скорую руку кашицы, пихнетъ за пазуху ломоть чернаго хлѣба, а немного погода, смотришь—ужъ онъ гдѣ-нибудь возлѣ бочота ползаетъ на животъ и подкрадывается подъ

утокъ! А то на рѣкѣ сидитъ, окруженный удочками, жерлицами; зорко слѣдитъ за десятками поплавокъ, глазомъ не моргнетъ, — и то-и-дѣло вытаскиваетъ изъ воды серебристыхъ окуней и красноперокъ. То же самое зимой. Дуетъ морозный вѣтеръ, заметаетъ сухимъ снѣжкомъ плетни и гумна, мельница быстро махаетъ крыльями, дрожитъ вся, ходенемъ-ходитъ, снасти гремятъ, жерновъ гудитъ—и Лукьянъ, весь покрытый мучной пылью, едва поспѣваетъ управляться съ мельницей. „Вѣтрянку“ не сравнить съ водяной. Тамъ пустиль воду, оставилъ снасти—и спи себѣ! А тутъ не то. Прихотливый вѣтерокъ то-и-дѣло мѣняетъ и силу, и направленіе. То набѣжитъ онъ вихремъ, зашумитъ, загремитъ колесами, жерновъ словно вылетѣтъ хочеть, а то, наоборотъ, затихнетъ, упадетъ, и только-что гремящія снасти, словно утомленные, еле-еле поскрипываютъ на своихъ осяхъ. Тутъ дремать нельзя. И вотъ, среди грохота и стона этой мельницы, Лукьянъ суетится какъ угорѣлый. То ковшъ ослабитъ, то жерновъ притужитъ, то махи на вѣтеръ поставитъ, то на полувѣтеръ; а между тѣмъ мука не ждетъ: толстымъ рукавомъ течетъ она изъ-подъ жернова и переполнила уже мѣшокъ; надо убрать его и замѣнить другимъ. И Лукьянъ, усталый и измученный, едва поспѣваетъ выполнять все это. Но чуть вѣтеръ упадалъ, чуть мельница засыпала, какъ ужъ Лукьянъ двери на замокъ, ружье на плечо и—маршъ на гумна. Обойдетъ ихъ и, смотришь, матерой русакъ съ бѣлыми пазанками и широкимъ лбомъ виситъ уже у него за спиной! И такъ вездѣ и во всемъ! Водки Лукьянъ не пилъ, но зато „чайничать“ былъ великій охотникъ. Чай онъ пилъ всегда съ медомъ и усидѣть ведерный самоваръ было для него нипочемъ: только, бывало, потъ льетъ съ него!.. Характера онъ

былъ самаго веселаго, самаго уживчиваго, говорилъ красно и подчасъ такъ много, что бывало слушаешь и удивляешься: откуда только у него берутся всѣ эти веселыя и хорошія слова? Семейникъ онъ былъ прекрасный; старуху и снохъ своихъ любилъ; первую величалъ „барыней“, а послѣднихъ „лебедками“, и веселымъ и уживчивымъ характеромъ своимъ сумѣлъ связать семью такими узами дружбы и любви, что въ домѣ его ни ссоръ, ни раздоровъ не существовало. Жилъ Лукьянъ опрятно, ѣлъ „сладко“, одѣвался чисто, всего у него было вдоволь, дѣти его уважали, не лѣнились, не пьянствовали и потому весьма понятно, что домъ Лукьяна считался лучшимъ въ селѣ Шуклинѣ, а самъ Лукьянъ—мужикомъ „настоящимъ“, разумнымъ и домовитымъ.

Излишне говорить, что съ Лукьяномъ сблизила меня болѣе всего охота. Познакомились мы съ нимъ на охотѣ,—охотились въ тотъ день удачно,—а послѣ охоты я зазвалъ его къ себѣ, выпыли мы съ нимъ самовара два чаю—и съ тѣхъ поръ дружба наша сдѣлалась неразрывною.

Итакъ, происшествіе, случившееся съ Лукьяномъ, сильно встревожило и огорчило меня. Нѣсколько разъ я собирался съѣздить въ село Шуклино, чтобы узнать отъ семейныхъ Лукьяна о положеніи его здоровья, но, частью рабочая пора, частью лѣнь какъ-то мѣшали все осуществленію моего желанія. Раза два, однако, встрѣчаясь на базарѣ съ шуклинскими крестьянами, я спрашивался у нихъ, живъ ли Лукьянъ? — и оба раза получалъ въ отвѣтъ: „ничего, живъ!“ Я сталъ успокаиваться, а вскорѣ меня успокоили еще больше „Ерундинская барыня“ и „Скачихинская барышня“. Обѣ онѣ, зная мои дружескія отношенія къ Лукьяну, заѣхали какъ-то ко мнѣ, весьма мило потребовали, чтобы я угостилъ ихъ шоко-

ладомъ, и вотъ за этимъ-то поколадомъ сообщили мнѣ, своему „celeberrimo collegae“ (прежде онѣ величали меня *carissimus collega*, но со времянь сновидѣній, стали надо мной подтрунивать и *carissimus* передѣляли на *celeberrimus*), что сейчасъ онѣ встрѣтили Якова, который объявилъ имъ, что Лукьянъ не только живъ и здоровъ, но даже совершенно поправился, что онъ бодръ, веселъ и боли въ рукѣ не чувствуетъ ни малѣйшей! Я спросилъ — было своихъ любезныхъ собесѣдницъ: не вернулся ли Лукьянъ изъ города? но онѣ отвѣтить мнѣ на это не могли, на томъ основаніи, что имъ, какъ выразились онѣ сами, „даже и въ голову не пришло спросить объ этомъ Якова“. Я успокоился окончательно; а извѣстно, что когда русскій челоуѣкъ успокоится, да вдобавокъ окончательно, то сдвинуть его съ мѣста является уже дѣломъ крайне не легкимъ! Въ такомъ успокоительномъ положеніи я провелъ еще недѣли двѣ...
Наконецъ, я взялъ да и собрался.

Мнѣ заложили бѣговья дрожки и я отправился въ Шуклино съ цѣлью, конечно, навѣстить семью Лукьяна, такъ какъ повидаться съ нимъ самимъ я еще не рассчитывалъ. День былъ прелестный, теплый, но не жаркій. Бѣлыя прозрачныя облачка тонули въ синевѣ неба, то разбѣгаясь барашками, то вытягиваясь пеленой, какъ легкое подвѣчное покрывало. Успѣвшая выколоситься рожь колыхалась волнообразно, пестрилась сѣдыми отливками колосевъ; отливы эти бѣжали по полю одинъ за другимъ, какъ бы догоняя другъ друга, и словно таяли вдали... Греча была въ полномъ цвѣту; бѣлыми квадратами выдѣлялась она въ темной зелени яровыхъ полей и насыщала воздухъ ароматомъ меда. Я ѣхалъ и наслаждался...
Часа черезъ полтора я былъ уже въ Шуклино.